

Н. Лопатин

ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО
ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ
ЛАМПЕ

ФОТО
И МОНТАЖ
ХУДОЖНИКА
Е. ПЕРНИКОВА

ДЕТГИЗ
1962

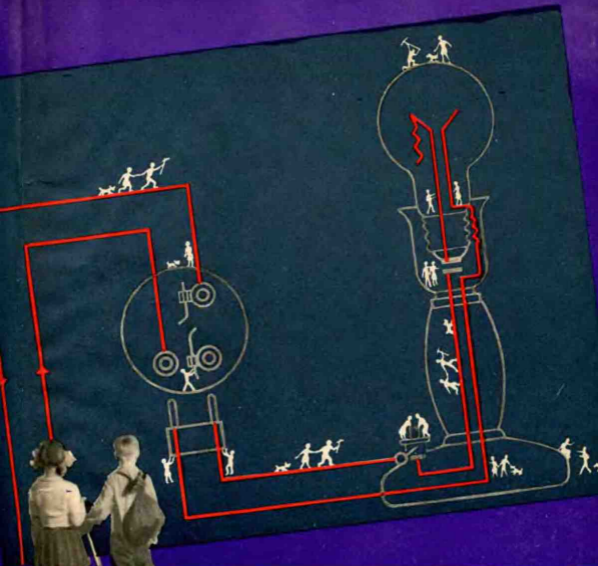

— Ой! Что я натворил!
Только один-единственный
разок куснул электрический
провод, а лампочка погасла.
С чего бы? Может быть, вы,
ребята, подскажете? внима-
тельно разглядите рисунок, ко-
торый перед вами. Художник
сказал, что тут всё объяснено.

Разобрались в рисунке?
Нет?.. Тогда идёте вме-
сте с нами путешествовать по
электрической лампочке. Вы
знаете, как она погасла и по-
чему погасла. Только, чур,
не жаловаться! Путешествие
будет опасным.

П. Лопатин

ПУТЕШЕСТВИЕ

ПО

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ

ЛАМПЕ

ФОТО И МОНТАЖ
ХУДОЖ. Е. ПЕРНИКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КОДЕКАТЕЛЬНОЕ
ДЕТСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКВА

1962

ечером Володя и Наташа остались одни во всей квартире. Мама ушла в больницу — она сегодня работает в ночной смене. А папа пошёл к дяде Пете, что живёт за углом. Они с папой закадычные друзья — каждый год вместе лазают на Кавказские горы, и, когда сойдутся, их водой не разольёшь.

Скучно ребятам: все уроки выучены, все игры переиграны, все книги перечитаны. А вот псу Чуне не скучно: он сидит под столом и с аппетитом уплетает толстые сочные сардельки — их тайком от мамы Наташа дала своему любимцу.

— Чем бы нам заняться, Наташа? — спрашивает сестрёнку Володя.

— Не знаю...

У

Чуни такая привычка: после сытного ужина непременно поиграть. Но как? Ведь его любимый резиновый мяч закатился утром далеко под диван.

Чуня залезает на стул и начинает от скуки грызть электрический провод.

Провод, как мячик, вкусно пахнет резиной. Но под резиной тонкие металлические проволочки — точь-в-точь, как те на дворе, о которые Чуня сегодня больно оцарапал нос.

Чуня сердится, сильно дёргает провод, и вдруг...

Бах!.. Маленькая молния вырывается из провода и обжигает Чуню. Чуня, взвизгнув, в ужасе прыгает на пол.

Лампа падает на стол и гаснет. В тёмной комнате противно пахнет то ли горелой резиной, то ли палёной Чуниной шерстью.

Володя, что это? Ток взорвался? Я боюсь.

— Пустяки. Ничего особенного, — отвечает Наташе Володя, но голос его дрожит. — Прежде всего, ток не взрывается. Это тебе не порох. Он просто вырвался из провода... Помнишь, папа говорил, что ток идёт по двум проволочкам, по двум металлическим дорожкам, одетым в плотную одежду. Если эта одежда порвётся, ток может перескочить с одной дорожки на другую и блеснуть молнией. Вероятно, Чуня... Ну, так и есть! Смотри, как одежда проводов разлохматилась! Чуня её раагрыз!

— Значит, провод раненый? Что же делать, Володька?

— Раненых перевязывают, — важно отвечает Володя.

— А что будет, если я его перевяжу? Ток опять пойдёт в лампочку, и она загорится?

— Конечно. Больше ему идти некуда.

Наташа достаёт бинт и перевязывает сначала обожжённую Чунину морду, а потом обе металлические дорожки — каждую отдельно.

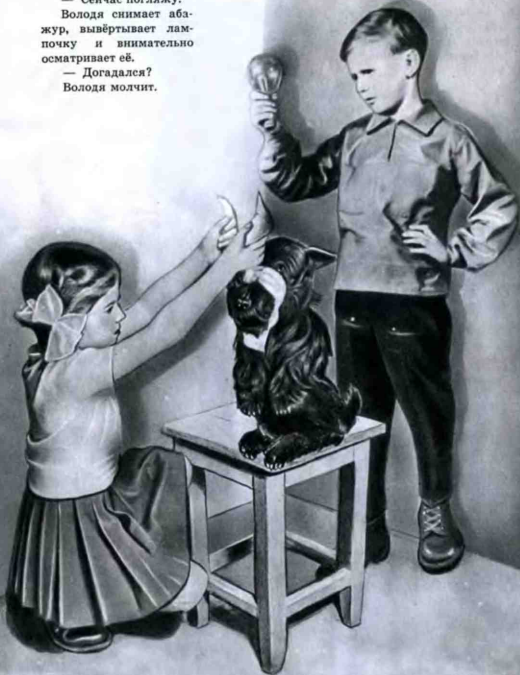
— Готово!

Но лампочка по-прежнему не горит.

Электрический ток идёт по медным проволочкам шнура. Проволочки обмотаны резиной и нитками. Через эту одежду ток не вырвется наружу. Но, если обмотка разлохматится, проволочки оголятся и прикоснутся друг к другу, тогда ток, не заходя в лампочку, перескочит из одного провода в другой. Это называется коротким замыканием. При коротком замыкании обычно вспыхивает искра. Она может занесть нитяную одежду шнура и вызвать пожар.

— Почему, Володя?
— Сейчас погляжу.
Володя снимает абажур, вывёртывает лампочку и внимательно осматривает её.
— Догадался?
Володя молчит.

— Отвечай же! Догадался?

— А ну-ка сама погляди. — И Володя протягивает Наташе лампочку. — Говори, что видишь?

— Лампочку. В лампочке стеклянная ножка. По обеим сторонам её ниточка. Тонкая, как волосок.

— Она порвана? Смотри хорошенько... Видишь, в одном месте её вроде кто-то порвал и снова склеил.

— Вижу. Но всё-таки она целая.

— Целая?.. Плохо.

— Почему, Володя?

— А потому, что, если бы она была порвана, всё было бы ясно... Ведь сама слышала, как папа рассказывал: электрический ток прибегает в лампочку, проходит сквозь этот тонкий волосок, нагревает его добела, как огонь нагревает проволоку. И волосок светится. Вот и всё.

— Нет, не всё. Почему плохо, что волосок целый?

— Очень просто. Если бы волосок был порван, мы бы знали: лампочка погасла потому, что именно здесь прервалась дорога тока.

— А где она действительно прервалась?

— Откуда я знаю? Сама видишь, какая она длинная, эта дорога: от штепселя на стене вот до этого волоска.

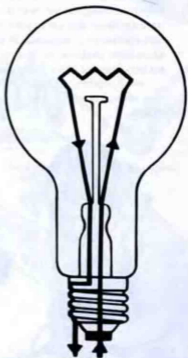
— Как же мы догадаемся, где она прервалась?

— Отстань, Наташка. Сама думай. — И Володя начинает ввинчивать лампочку.

Ребята думают. А Чуня думать не умеет. Он очень сердит на провод и хочет снова его больно укусить.

— Чуня! — кричит Володя и замахивается на него лампочкой.

Чуня обижен. Вот почему его перевязанная морда такая грустная.

Володка! Придумала! Здорово придумала! Ух, как здорово!
— Не кричи. Говори толком. По порядку.
— Хорошо. Буду говорить толком, по порядку... Дорога тока длинная? Длинная. Нам её всю проглядеть надо? Надо. Может быть, придётся залезть на лампу? Даже обязательно придётся. Как это сделать? Очень просто.

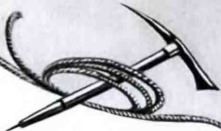
— Чепуху городишь, Наташа.

— А вот и не чепуху... Понимаешь, мы станем маленькими-премаленькими. Как мушки-таракашки. Может быть, даже ещё меньше. И Чуня, конечно, станет маленьким. Как комар. А лампа будет такой огромной, как высотный дом. Нет, как гора Кавказская. И мы отправимся путешествовать... Залезем на лампу. Взойдём на шпатель. Будем спускаться во всякие пропасти и пещеры. И найдём, непременно найдём то место, где поломалась дорога тока... Ну, здорово?..

— Здорово, только как же мы будем взбираться на эти горы Кавказские?

— Очень просто. Я всё придумала. Возьмём у папы его горный молоток и канат.

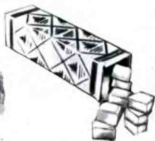
И обязательно резиновые сапоги и мамы резиновые перчатки. Ты помнишь, Володя, папа говорил, что ток бьётся резины и через неё не прыгает?

— А я захвачу ещё инструменты,

бинокль,

фонарик.

— А я — мамину медицинскую сумку, лекарства, бинты всякие... Погоди, а Чуня? Ведь он есть захочет, а наше путешествие

будет долгое-долгое... Возьму для него сахар и сардельки и положу в сумку... Ну, пошли, Володька?

— Пошли!

И вот по щучьему веленью, по Наташиному хотенью ребята становятся маленькими, как мушки-таракашки. А вокруг всё большее. Лампа, как ствол поваленного векового дуба. (Володя предусмотрительно положил её на стол ещё до путешествия, чтобы

легче было лазить по ней.) А провод, как толстущий корабельный канат, как удав Каа, с которым дружил Маугли.

Решено сначала обследовать весь провод от лампы до штепселя: может быть, Чуня ещё где-то порвал одежду тока.

— Чуня, иди вперёд и нюхай! — приказывает Володя. — Когда почувешь, что пахнет горелой резиной, гавкни. Громко гавкни. Понял?

Чуня, вероятно, понял. Он идёт впереди, как охотничий пёс по следу, и прилежно нюхает...

Ребята ничего не находят. Нет, поломка не здесь. Но где?..

— **Н**ашёл. Наташка! Нашёл! Гляди. Высоко над головой, словно громадный камень, словно скала над горной тропой, навис над ребятами штепсель.

Но что это? Вилка штепселя вышла из своих гнезд. Она еле держится. Вот-вот рухнет...

— Назад, Володя! Назад! Она упадёт, задавит!

— Нет, вперёд!.. Теперь ясно, почему погасла лампа. Это Чуня вытащил вилку, когда прыгал со стола, и прервал дорогу тока. Надо вставить вилку на место, и лампочка загорится... Кричи «ура», Наташка! Громко кричи!

— Вставить? А как к ней добраться? Она высоко. До неё даже на цыпочках не дотянешься. И она небось тяжёлая.

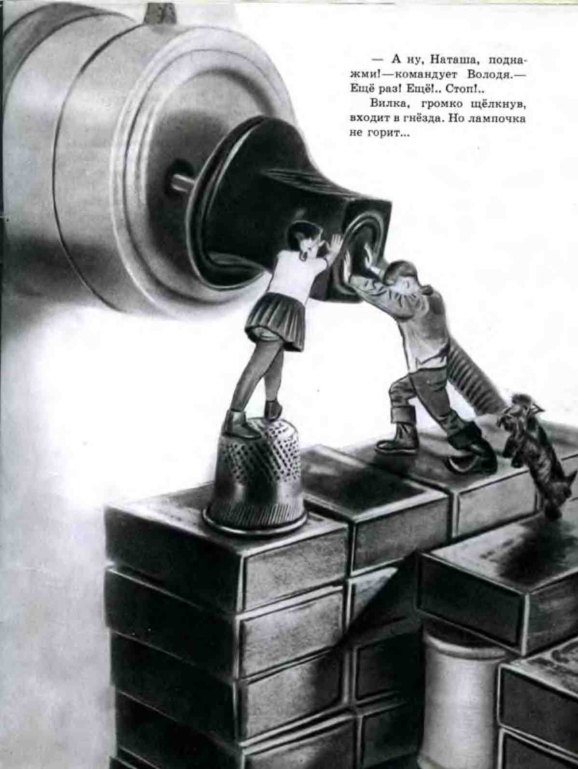
— Пустяки. Возьмём спичечные коробки, катушки, напёрсток, построим из них горку, взберёмся на неё, поднажмём — и всё...

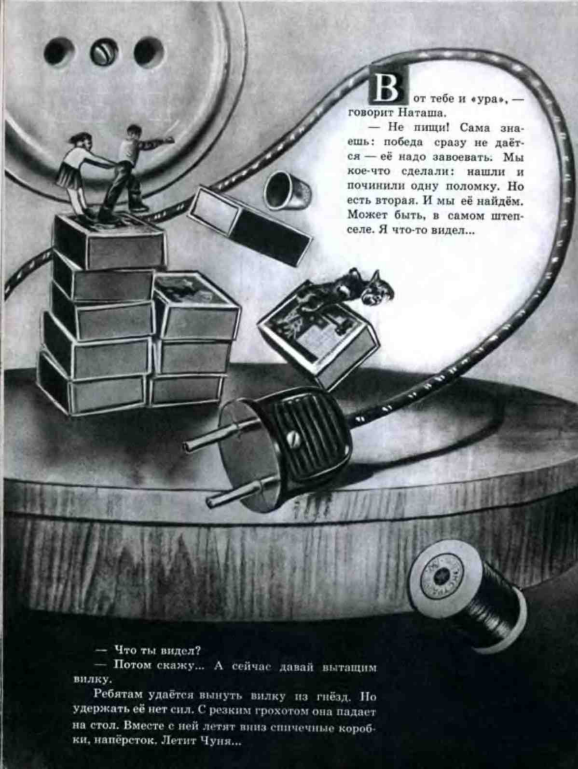
Горка построена. Но, действительно, какая тяжёлая эта вилка! Прямо как шкаф, который только папа может сдвинуть с места.

— А ну, Наташа, подна-
жми!—командует Володя.—
Ещё раз! Ещё!.. Стоп!..

Вилка, громко щёлкнув,
входит в гнезда. Но лампочка
не горит...

Вот тебе и «ура», — говорит Наташа.

— Не пиши! Сама знаешь: победа сразу не даётся — её надо завоевать. Мы кое-что сделали: нашли и починили одну поломку. Но есть вторая. И мы её найдём. Может быть, в самом штепселе. Я что-то видел...

— Что ты видел?

— Потом скажу... А сейчас давай вытащим вилку.

Ребятам удаётся вынуть вилку из гнезд. Но удержать её нет сил. С резким грохотом она падает на стол. Вместе с ней летят вниз спичечные коробки, наперсток. Летит Чуня...

В штепселе зияют два
тёмных отверстия, слов-
но две звериные норы.

— Ну, лезем, Ната-
ша?

— Боюсь.

— Держи канат, тру-
сиха...

В

олодя исчезает в «норе». Тихо в комнате. Жутко.

Что с Володей? Почему молчит?..

— Нашёл! — раздаётся наконец глухой, словно из подземелья, Володин голос. — Сейчас вылезу и всё расскажу.

Володя вылезает — грязный, весь в саже, куртка на плече порвана, но лицо сияет.

— Мост сгорел! — радостно объявляет он.

— Какой мост?

— Сама увидишь... Давай отвёртку. Быстро!

Ребята отвинчивают крышку штепселя. И Наташа видит: сверху вниз через весь штепсель протянута тонкая проволочка. Посередине она сгорела, и вокруг неё копоть.

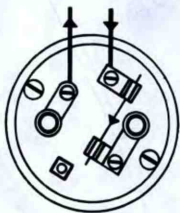
— Понимаешь, когда Чуня дёрнул провод, — объясняет Володя, — мне показалось, что здесь, в штепселе, тоже что-то вспыхнуло. И верно: мост сгорел.

— Да где он, этот мост?

— Ты совсем беспонятная, Наташка... Вот эта проволочка и есть мост, по которому идёт ток. Мост сгорел. Дорога тока прервалась...

— Значит, если мы починим мост, лампочка загорится?

— Вот теперь ты, кажется, начинаешь что-то понимать, Наташа.

Один из проводов в штепселе соединён со своей „норой“ — тоннелем не прямо, а тонкой проволочкой — предохранителем. Когда разлохмаченные провода соединились друг с другом и произошло короткое замыкание, проволочка-предохранитель перегорела и прервала путь тока. Предохранитель и устроен для того, чтобы прерывать ток, когда происходит короткое замыкание. Иначе ток может вырваться, зажечь обои в комнате, натворить всяких бед.

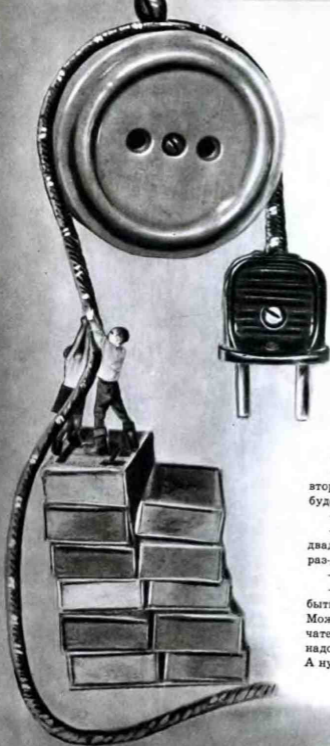

Как хорошо, что папа такой запасливый. И как хорошо, что ребята захватили моток тонкой проволоки из папиного ящика.

С трудом снял старый сгоревший мост и построен новый.

Как струна, натянулась проводочка. Но лампа не горит.

— Почему? — спрашивает Наташа.

— **О**пять перестала понимать... Где вилка? Она лежит на столе. Ты хочешь, чтобы ток сам прыгал со стола в штепсель?.. Вот вставим вилку и тогда...

Пыхтя и надрываясь, ребята привинчивают крышку штепселя и вставляют вилку. Снова, громко щёлкнув, вилка входит в свои гнёзда.

Но лампа по-прежнему не горит.

— Что же делать, Володя?

— Искать. Только искать... Мы нашли вторую полочку. И починили. Теперь будем искать третью...

— Потом четвёртую, пятую, десятую...

— Да, четвёртую, пятую, десятую, двадцатую... Это только в сказке бывает: раз-два — и готово.

— А где эта третья?

— погоди-погоди, Наташа. Может быть, всё очень просто. Совсем просто. Может быть, у нас не включён выключатель... Ну, та самая кнопка, которую надо нажать, чтобы лампа загорелась... А ну-ка, давай. Мы это мигом сделаем.

Нет, мигом не получается. Когда ребята были большие, они мизинцем нажимали на выключатель. А теперь что есть силы обеими руками давят на эту упрямую кнопку, а она — ни с места. И, только когда Чуня встаёт на неё своими передними лапами, кнопка опускается и щёлкает.

Но лампочка опять не горит.

— Ещё раз! — командует Володя.

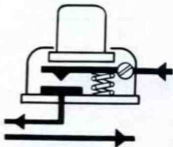
Ещё раз щёлкает выключатель. Лампа не горит.

— Выключатель работает. Здесь нам делать нечего. Идём дальше, Наташка.

— Куда?

— По дороге тока, конечно. —

Выключатель — это дверь, через которую ток входит в лампу. Когда выключатель выключен, его металлические пластинки приподняты одна над другой, дорога тока прервана, и лампочка не горит. Но стоит нажать на кнопку, и пластинки плотно соединятся. Теперь дверь открыта, дорога восстановлена, и ток свободно проходит в лампу.

Провод уходит в лампу, лежащую на столе. Ребята пытаются отвинтить винты, которыми прикреплено дно лампы, но ничего не получается: винты большущие, ржавые, а отвёртка крохотная. Как же быть?

И тут Володя вспоминает о папином горном молотке, который они захватили с собой. Ребята вставляют его в прорезы винтов, и дело идёт на лад. Теперь остаётся только опустить на стол дно лампы.

Как всегда, это кажется Володе пустяком: подумаешь, невидаль какая! Они подвинут эту железку чуть на себя, потом положат на стол.

И верно: вначале всё идёт легко и просто. Но, когда ребята начинают опускать эту «железку», она неожиданно оказывается такой тяжёлой, словно толстая чугунная плита, словно каменная глыба.

Володя с Наташей держат её на вытянутых руках. А она опускается всё ниже, ниже. Она уже нависла над головой. И сейчас рухнет, придавит их...

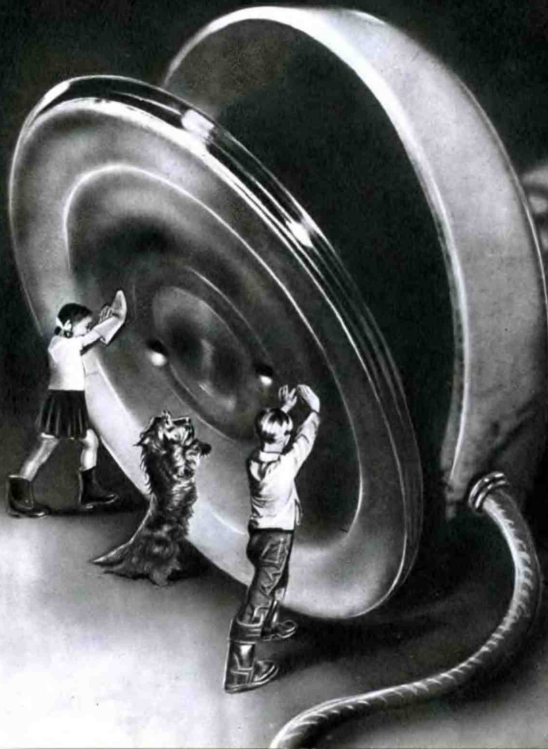
— Бросай, Наташа! Прыгай в сторону! Я сам.

— Нет! Я с тобой. Держись, Володька!

А плита ползёт. Уже нет сил держать её. Сейчас — конец...

И вдруг плита становится легче. Она замирает на месте.

Оказывается, это Чуня бросился друзьям на выручку. Он поднялся на задние лапы, а передними что есть силы упёрся в плиту...

Дко лампы наконец положе-
но на стол.

— Ну, вот и всё, — говорит
Володя.

Он хочет улыбнуться, но улыбка
не получается. И Володины
руки дрожат.

Почему? От усталости? Или
от пережитого страха?

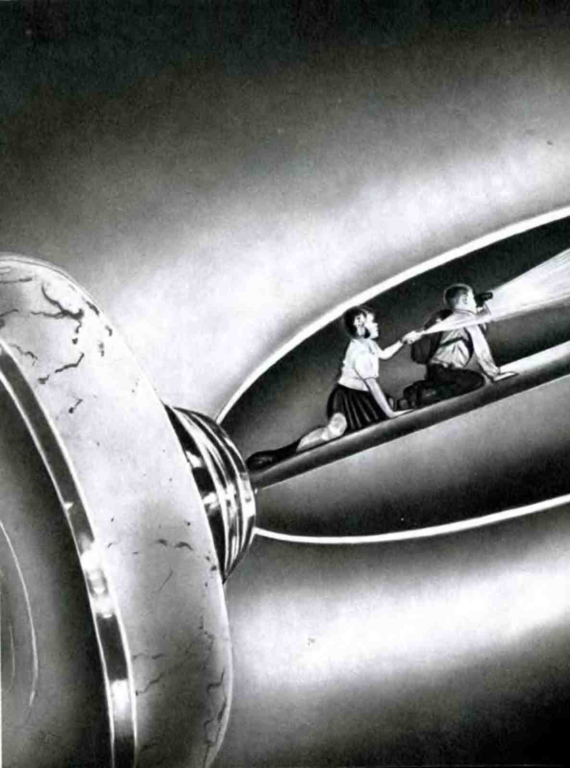
Вероятно, от того и от другого.

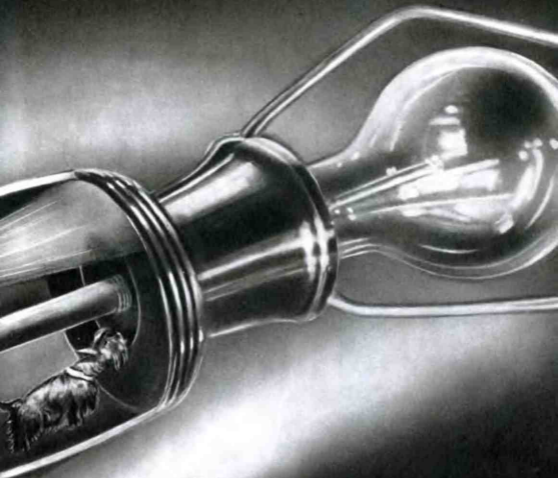
Чуня получает в награду кусочек
сахару. Чуня счастлив. И не
потому, что больше всего на свете
любит сахар: ведь он спас своих
друзей от неминуемой гибели.

Ребята — у входа в пещеру. В ней темно. И даже при свете яркого папиного фонарика не видно её конца.

Ребята — в пещере. Освещая дорогу фонариком, они карабкаются по трубе.

— В этой трубе спрятан электрический провод, — говорит Володя.

— Откуда ты знаешь?

— А где же ему ещё быть? Его нигде не видно. Значит, он здесь.

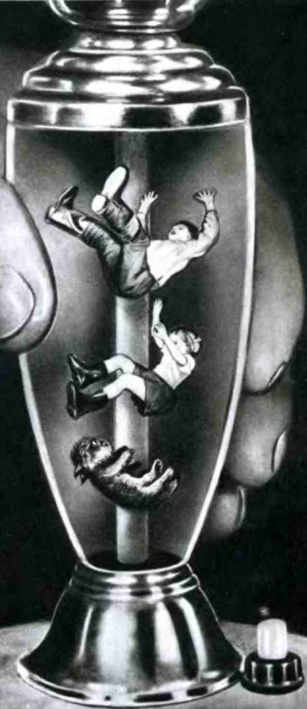
Жутко ребятам. Что ждёт их впереди?

А Чуне ничуть не страшно. Он весело лает, и стены отвечают ему гулким эхом.

Что это?..

Где-то там, за стенами пещеры, скрипит дверь. Раздаются торопливые шаги. Папины шаги. Они всё ближе, ближе. Папа уже у стола. Он что-то кричит, вероятно зовёт ребят, но слов не разобрать.

И вдруг лампа начинает шевелиться, поднимается — и друзья летят вниз.

Ребята лежат на дне лампы. Жалобно скулит Чуня: Володя, падая, больно отдал ему лапу. И у Володи на лбу здоровенный синяк.

Снова раздаются шаги. Снова скрипит дверь. Папа ушёл.

— Что делать, Володька?

— Лезем наверх. Надо же поглядеть патрон, куда ввинчена лампочка.

Наташа становится на плечи Володи. В руках у неё Чуня.

Путешественники с трудом протискиваются в узкую дыру, пробитую в потолке пещеры, и попадают в патрон.

Патрон — словно круглая комнатка. Пол белый, фарфоровый. Посреди торчит медная пластинка. А сверху нависает чаша из чёрного стекла. Дно у чаши металлическое.

— Фарфор и металл... Стекло и металл, — вслух думает Володя. — По металлу ток идёт, а по фарфору и стеклу — нет... Что же дальше? Вот эта чаша — дно лампочки. К медной пластинке на полу подходит ток из провода. Чтобы ток попал в лампочку, их надо соединить — дно лампочки и медную пластинку на полу. А они...

— Посмотри, Наташа! — кричит Володя. — Лампочка не довинчена. И потому не горит.

— А кто её ввинчивал?

— «Кто, кто»... Ну, пусть я. Но это Чуня виноват. Помнишь, когда я ввинчивал лампочку, он снова начал играть с проводом, я на него накричал и не довёл дела до конца. Мы должны сейчас довинтить лампочку.

— Этакую громадину?.. Нет, не сможем.

— А может быть, всё-таки попробуем?

Оба электрических провода, войдя в патрон, расходятся в разные стороны.

Правый провод соединён с медной пластинкой на фарфоровом полу патрона. Когда лампочка плотно ввинчена, эта медная пластинка прижимается к металлическому дну лампочки и пропускает ток в её волосок.

Левый провод соединён с металлической стенкой патрона. В патрон ввинчен нижний конец лампочки. Он касается металлической нарезки патрона. Так образуется вторая дорога тока между левым проводом и волоском лампочки.

Для того чтобы электрический ток не прошёл в патроне из провода в провод и не произошло бы короткого замыкания, обе металлические дороги тока в патроне и в лампочке отделены друг от друга стеклом и фарфором. Володя прав: через стекло и фарфор ток пройти не может.

Наташа не успевает ответить — из комнаты снова доносятся шаги. Это папа подходит к столу.

Опять шевелится, качается лампа.

— Держись крепче, Наташка! — кричит Володя.

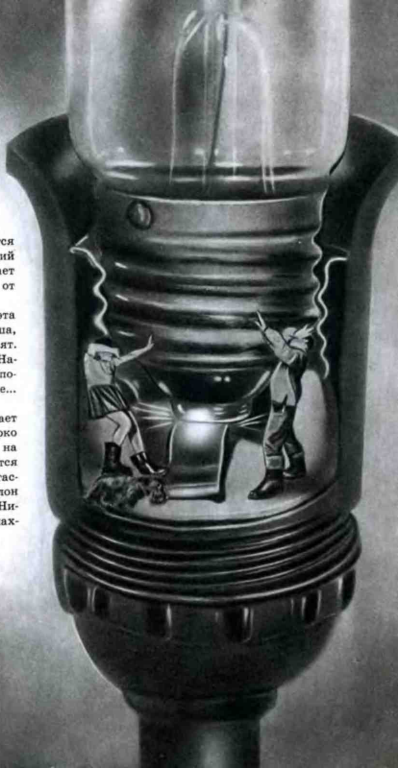
Но папа этого не слышит. И не видит он, как Наташа бросается на фарфоровый пол, обеими руками обхватив медную пластинку...

Наверху раздаётся резкий угрожающий скрип. Володя поднимает голову и замирает от ужаса.

Низ лампочки, эта громадная чёрная чаша, быстро ползёт на ребят. Сейчас она прижмёт Наташу к фарфоровому полу, к медной пластинке...

— Наташа!

Наташа отскакивает в сторону. Что-то ярко вспыхивает. Наверху на мгновение загорается лампочка. И снова гаснет. Весь патрон полон удушливым дымом. Ничего не видно. Едко пахнет гарью.

Н

аташа! Жива?

— Жива, жива, — всхлипывает Наташа. Но плачет она от испуга: она цела и невредима. Только на платье большущая дыра. — Что случилось, Володька?

— Очень просто, — успокоившись, объясняет Володя. — Папа ввернул лампочку. Дно лампы коснулось медной пластинки на фарфоровом полу, и ток свободно побежал по металлической дорожке. Тут и вернулось твоё платье — оно, вероятно, застряло на медной пластинке. Ток прожёт платье, но в лампочку всё же добежал. Лампочка загорелась... и погасла. А вот почему — не знаю... Может быть, в самой лампочке что-нибудь сломалось?.. Надо залезть под стеклянный колпачок и поглядеть.

— В лампочку залезть? — испуганно спрашивает Наташа. — Погоди... Что это?

В комнате опять раздаются шаги. Ребята крепко хватаются за руки.

— Берегись! — кричит Володя.

Нет, на этот раз ничего не случилось. Шаги удаляются. Скрипит дверь. Папа ушёл из комнаты.

— Надо выбраться наружу! — решительно говорит Володя. — Здесь больше делать нечего...

Легко сказать — выбраться наружу. Но как?

Папа поставил лампу на стол и наглухо закрыл широкий вход в ламповую пещеру. Неужели ждать, когда вернётся папа? Да и услышит ли он их крики о помощи? Нет, не услышит. Наверняка не услышит...

— Так и умрём в этой тёмной дыре от голода, — плачет Наташа. — У нас только три сардельки и пять кусочков сахара.

Ребят и на этот раз спасает их верный, преданный друг. Чуня находит маленькую дырочку в том месте, где провод входит в лампу. Он первым пролезает в эту дыру. За ним кое-как протискиваются ребята.

И вот наконец они снова на столе. Наташа сразу же принимается зашивать прожжённую дыру на платье. Чуня, получив от Наташи ещё кусочек сахара, радостно прыгает около своей любимицы. А Володя, вооружившись папиным биноклем, внимательно разглядывает лампочку.

— Ничего не понимаю. Ничего, — бормочет он. — Когда я ввинчивал её,

волосок был целый. Правда, в одном месте какой-то подозрительный. Но всё же целый. А сейчас... Гляди, Наташка: слева волосок порвался и висит.

— Ну и пусть висит.

— Нет, не пусть... Лезем в лампочку.

— В лампочку?.. Никогда не видела, чтобы кто-нибудь влезал в лампочку, когда чинил электричество. Никогда.

— А мы влезем! — упрямится Володя. — Взаберёмся на стеклянный колпачок, разобьём стекло папиным горным молотком, я спущусь по канату, почию волок — и лампочка загорится.

— Хвастаешь. Не взобраться тебе на лампочку. Она вон где.

— А лассо? Зачем человек придумал лассо? Помнишь, мы видели картинку: какой-то всадник на всём скаку набрасывал лассо на шею дикого мустанга. Мустанг мчался во весь опор. А наша лампа стоит. Да я с первого раза заарканю её. Вот гляди...

Нет, с первого раза у Володи ничего не получается. И с пятого тоже. Только на одиннадцатый раз Володе удаётся прочно заарканить металлические прутики, на которых должен держаться абажур лампы.

Володя ловко взбирается по канату. Теперь надо поднять Наташу. А это не так просто. Она, оказывается, очень тяжёлая, эта Наташка.

И всё же Наташа у цели. Она уже касается ногой металлического прутка. Сейчас прочно встанет на него...

Но тут происходит то, чего Наташа никак не ждала. Резиновая подошва её сапога скользит по гладкому металлу.
— Володька, падаю! — испуганно кричит Наташа.

Н

ет, Наташа не упала. Володе удаётся удержать её. И Наташа первой встаёт на стеклянную вершину лампочки.

Вершина крутая и скользкая. Стоять на ней опасно — вот-вот грохнешься вниз и тогда костей не соберёшь. И Володя, вспомнив папины рассказы о его путешествиях по Кавказу, крепко-накрепко привязывает и себя и Наташу прочными канатами к верхней металлической пластинке.

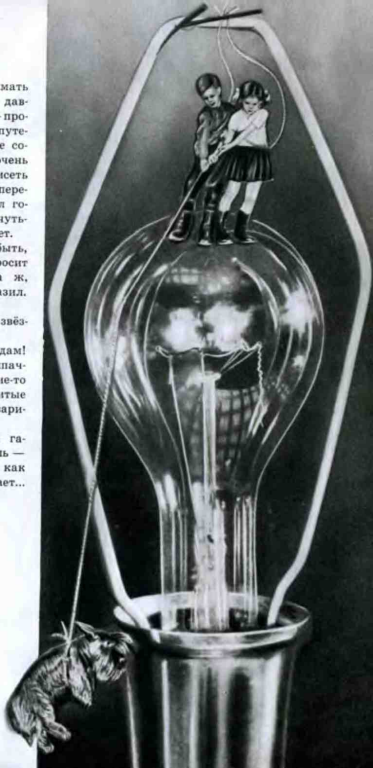
Теперь можно поднимать Чуню: он, бедняга, уже давно жалобно воет внизу — просится к друзьям. И хотя путешествие по воздуху Чуне совсем не по вкусу — уж очень жутко и непривычно висеть над пропастью, — но он перестал выть. Лишь опустил голову, зажмурился и чуть-чуть жалобно поскуливает.

— Володя, может быть, всё-таки не надо? — просит Наташа. — Ведь, правда ж, никто в лампочку не лазил. А ты...

— Никто до нас и к звёздам не летал.

— Так то к звёздам! А под стеклянным колпачком лампы, говорят, какие-то газы. Страшные, ядовитые газы, — продолжает уговаривать Наташа.

— Чепуха. Никаких газов нет. А если ты трусишь — отвернись и зажмурься, как Чуня. Говорят, это помогает...

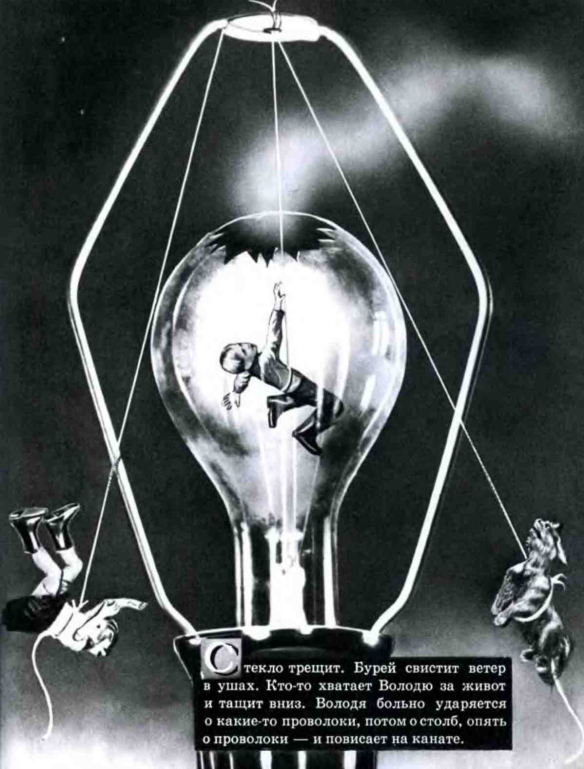

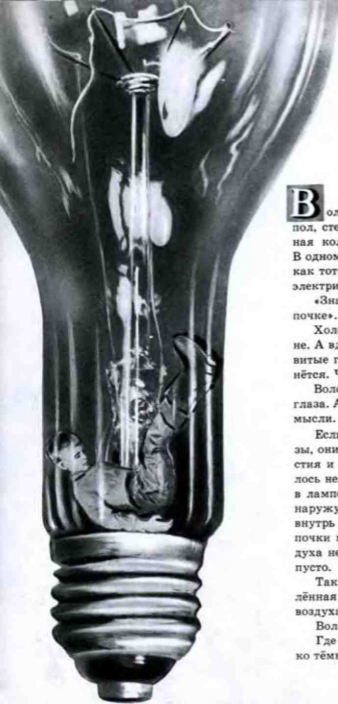
Володя наотмашь бьёт горным молотком по стеклу. Ещё раз. Ещё.

Тонкая, еле заметная трещинка появляется на гладкой стеклянной вершине.

Ещё один сильный удар...

Стекло трещит. Бурей свистит ветер в ушах. Кто-то хватает Володю за живот и тащит вниз. Володя больно ударяется о какие-то проволоки, потом о столб, опять о проволоки — и повисает на канате.

Володя оглядывается: стеклянный пол, стеклянные стены, толстая стеклянная колонна. Рядом висит проволочка. В одном месте она порвана. Точь-в-точь как тот «мост» в штепселе, который сжёг электрический ток.

«Значит, — думает Володя, — я в лампочке».

Холодные мурашки пробегают по спине. А вдруг Наташа права, и здесь — ядовитые газы? Сейчас он отравится, задохнётся. Что делать?

Володя перестаёт дышать, закрывает глаза. А в голове одна за другой мелькают мысли.

Если бы в лампочке были ядовитые газы, они вырвались бы из пробитого отверстия и подбросили его вверх. Но получилось не так. Его не подбросило, а втянуло в лампочку. Значит, газы не вырвались наружу, а наоборот, воздух ворвался внутрь лампочки. Значит, в колпачке лампочки вообще ничего не было. Даже воздуха не было. Там было пусто. Совсем пусто.

Так вот, оказывается, почему раскалённая проволочка не сгорает! Ведь без воздуха ничто гореть не может.

Володя открывает глаза.

Где Наташа? Там, наверху, зияет только тёмная дыра с рваными краями...

Наташа так до сих пор и не может вспомнить, как поднялась она на вершину колпачка, как втянула туда Чуню, как вытаскивала из лампочки Володю. Она помнит только первые Володины слова:

«Волосок лампочки перегорел — это факт. Но почему — не знаю. Может быть, ты догадалась, Наташка?»

Чудак этот Володька. Неужели у неё было время думать о какой-то перегоревшей проводочке, когда так неожиданно налетела буря, когда она падала, взбиралась на вершину и вытаскивала из колпачка самого Володю?

Чудак...

О пять чуть скрипит дверь — и опять в комнату входит папа. Он видит ребят на разбитом колпачке и осторожно встряхивает их на свою руку. И вот они стоят на папиной ладони, крохотные, как мушки-таракашки, и, надрывая голоса, рассказывают о своём путешествии.

И папа их не ругает. Наоборот, он хвалит их за то, что оба были ловкими «ползунами по скалам». И за то, что были настоящими исследователями: прошли всю трудную и длинную дорогу тока, нашли в ней все изъяны, починили все поломки. И только один-единственный раз ошиблись: полезли в лампочку.

А лезть туда глупо. Стоит сделать хоть маленькую дырочку в стекле — и лампе конец: под стеклянный колпачок войдёт воздух, и раскалённый волосок перегорит.

Нет, перегоревшую лампочку дома уже не починить. Её надо заменить новой.

— А что я тебе говорила, Володяка? — торжествует Наташа. — Скажи, что говорила?

Володя смущён и, чтобы скрыть смущение, спрашивает папу, почему же всё-таки перегорела лампочка.

Папа объясняет.

Когда Чуня уронил лампу, волосок надломился от удара лампы о стол. Надломился, но не порвался. А когда папа ввинтил недовинченную Володей лампочку, электрический ток, перескакивая через трещину, окончательно повредил надломленный волосок. Лампочка на мгновение вспыхнула и погасла.

Вот и всё.

Снова светло в комнате: это папа ввинтил новую лампочку. Старая поломанная лампочка лежит на столе. Ребята стоят около неё и вспоминают о своём путешествии. А Чуня важно сидит на лампе. Такой уж характер у этого лохматого пса: любит погордиться.

Путешествие окончено. Ребята снова большие. Можно минут десять посидеть, поболтать и лечь спать. А завтра новый день, новые книги, новые игры и — кто знает? — может быть, новое интересное путешествие.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Лопатин Павел Иванович

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЭЛЕКТРОЛАМПЕ

Ответственный редактор *М. С. Брусилowska.*
Художественный редактор *П. И. Суворов.*
Технический редактор *М. А. Кутузова.*
Корректор *Л. И. Гусева.*

Сдано в набор 15/XI 1961 г. Подписано к печати
6/VI 1962 г. Формат 60×90¹/₄—6 печ. л.
(8,65 уч.-изд. л.) Тираж 50 000 экз. ТП 1961
№ 846.

Цена 40 коп.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сушеский вал, 49. Заказ № 1806.